

УДК 340.1
DOI 10.36511/2078-5356-2020-3-36-44

Липинский Дмитрий Анатольевич
Dmitry A. Lipinsky

доктор юридических наук, профессор
Тольяттинский государственный университет (445020, Тольятти, ул. Белорусская, 14)
doctor of sciences (law), professor
Tolyatti State University (14 Belorusskaya st., Tolyatti, Russian Federation, 445020)
E-mail: Dmitri8@yandex.ru

**О некоторых противоречиях доктрины юридической ответственности
и действующего законодательства**

**Some contradictions between the doctrine of legal responsibility
and current legislation**

Статья посвящена принципам юридической ответственности как концентрированному выражению правовой доктрины, их пониманию в науке и закреплению в действующем законодательстве. Анализируются решения Конституционного Суда РФ, посвященные отправным началам юридической ответственности, а также показывается, как официальная доктрина, формируемая Конституционным Судом РФ, повлияла на систему принципов юридической ответственности. Раскрываются противоречия между доктринальными характеристиками принципов юридической ответственности и действующим законодательством, а также практикой его применения. Значительное внимание уделяется требованиям принципа законности, а также доказывається, что в настоящее время ввиду особой важности в системе принципов юридической ответственности сформировался принцип правовой определенности. Анализируется сама природа противоречий между действующим законодательством и практикой его применения. Даются рекомендации, направленные на совершенствование регламентации принципов юридической ответственности.

Статья выполнена при поддержке РФФИ, проект № 19-011-00103 А «Юридическая ответственность в правовой системе России: концепция взаимодействия, взаимосвязей и устранения противоречий с иными элементами правовой системы».

Ключевые слова: юридическая доктрина, юридическая ответственность, законодательство, решения Конституционного Суда, принципы юридической ответственности, правовая определенность, законность.

The article is devoted to the principles of legal responsibility as a concentrated expression of legal doctrine, their understanding in science and consolidation in the current legislation. The article analyzes the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, dedicated to the starting principles of legal responsibility, and also shows how the official doctrine formed by the Constitutional Court of the Russian Federation influenced the system of principles of legal responsibility. The contradictions between the doctrinal characteristics of the principles of legal responsibility and the current legislation are revealed, as well as the practice of its application. Considerable attention is paid to the requirements of the principle of legality, and it is also proved that at present, due to its special importance, the principle of legal certainty has formed in the system of principles of legal responsibility. The nature of the contradictions between the current legislation and the practice of its application is analyzed. Recommendations are given to improve the regulation of the principles of legal responsibility.

The article was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project no. 19-011-00103 A «Legal responsibility in the legal system of Russia: the concept of interaction, interconnections and elimination of contradictions with other elements of the legal system».

Keywords: legal doctrine; legal liability; legislation; decisions of the Constitutional court; principles of legal responsibility; legal certainty; legality.

Доктрина юридической ответственности, формируемая учеными-юристами, находится в тесном соотношении с действующим законодательством, закрепляющим нормы и институты юридической ответственности. Соотношение — это философская категория, характеризующаяся как минимум следующими моментами: единством, различиями, взаимодействием и противоречиями. В рамках настоящей работы в большей степени пойдет речь о наиболее явных противоречиях, которые проявляются на уровне принципов, разработанных наукой, и отчасти закрепленных в действующем законодательстве, но которые нарушаются как правоприменителем, так и правотворческими органами.

Теория юридической ответственности является относительно самостоятельным элементом доктринального уровня правовой системы общества, и в идеале действующее законодательство о юридической ответственности и практика его применения должны соответствовать общепринятым научно обоснованным представлениям о сфере должного. Мы неслучайно указали на общепризнанные научные представления, так как если бы законодатель принимал во внимание, например, все предложения, которые содержатся в юридических работах об изменениях и дополнениях Конституции Российской Федерации, то очень сложно было бы представить текст Основного Закона. Да и вряд ли бы он отличался системностью ввиду существования различных научных школ, когда каждая группа ученых придерживается собственных взглядов на ту или иную проблему. Кроме того, следует признать, что в ряде работ, причем от уровней обычной статьи и до монографии или от кандидатской до докторской диссертации, могут содержаться «предложения ради предложений», зачастую ничем не обоснованные. В качестве примера достаточно указать на уже озвученную нами ранее проблему искусственного обособления «новых» отраслевых институтов юридической ответственности, не обусловленных существующими общественными отношениями [1, с. 21—31], а основывающихся на бессистемной деятельности правотворческих органов. Поэтому в настоящей статье мы акцентируем внимание только на наиболее очевидных противоречиях законодательства с существующими принципами юридической ответственности. Обращение именно к категории принципов в плане сопоставления с действующим законодательством неслучайно, поскольку именно в них в концентрированном

виде представлены основные доктринальные положения юридической ответственности и они являются квинтэссенцией всей теории юридической ответственности.

Следует отметить, что самим принципам юридической ответственности и смежному понятию — принципам права посвящено значительное количество научных работ [2—6], и многие положения о содержании принципов юридической ответственности стали аксиоматичными в юридической литературе, поэтому на особенностях их содержания мы не останавливаемся в настоящей работе.

В целях объективности следует указать, что в самой теории юридической ответственности отсутствует единство мнений о количестве и видах принципов юридической ответственности, их классификации, содержании, соотношении с принципами вышестоящего уровня (принципами права). Существует множество и других более частных проблем, не входящих в предмет нашего исследования. Поэтому без детального анализа отраслевых основных начал мы укажем, что к «принципам юридической ответственности мы относим справедливость, гуманизм, законность, дифференциацию и индивидуализацию, неотвратимость и виновность деяния» [6, с. 25]. Кроме того, в рамках данной работы мы не затрагиваем специфических принципов, свойственных исключительно отдельному отраслевому виду юридической ответственности — полного возмещения убытков, недопустимости неосновательного обогащения, экономии уголовной репрессии и некоторых других.

В научной литературе называют и иной перечень принципов, но он в большей части основан на том, что исследователь «разбивает» один принцип на несколько самостоятельных либо объединяет в одном два или более отправных начала. Причем такая тенденция наблюдается не только в научных исследованиях, но и в практике Конституционного Суда РФ (далее — КС РФ). В частности, речь идет о принципах определенности, конституционности, равных оснований, недопустимости двойного наказания [7, с. 187]. Именно их в дополнение к уже названным нами указывает Н.В. Витрук на основе проведенного анализа обширного количества решений КС РФ. Примечательно, что данные принципы он называет в одной группе с принципом законности [7, с. 187]. На наш взгляд, это не самостоятельные принципы, а отдельные составляющие принципа законности юридической ответственности [8].

Между тем и наша система взглядов относительно принципов юридической ответственности несколько менялась и уточнялась с течением времени. В связи с получением новых исследовательских результатов к принципу индивидуализации мы стали добавлять и принцип дифференциации юридической ответственности [9, с. 31], который в большей части обращен к законодателю, а не к правоприменителю. Ранее мы писали о дифференциации ответственности, называя ее законодательной индивидуализацией, то есть объединяли в одном принципе два самостоятельных исходных положения. В самом простом виде принцип дифференциации обязывает законодателя при решении вопроса об отнесении того или иного деяния к определенному виду юридической ответственности соотносить его с типовой общественной опасностью, чтобы не происходило его необоснованного закрепления в менее или более строгом отраслевом институте юридической ответственности; а также устанавливать санкции и правила их применения, позволяющие осуществлять индивидуализацию. Без законодательной дифференциации невозможна как таковая индивидуализация юридической ответственности.

Осмысление принципов правового государства позволяет отнести и взаимную юридическую ответственность к числу принципов юридической ответственности. Нам могут возразить, что это принцип правового государства, а не юридической ответственности. Однако здесь речь идет, прежде всего, о правовом государстве, основанном на праве и подчиненном ему, и указанное исходное начало не может не влиять на систему юридической ответственности, а сам законодатель должен в своей деятельности руководствоваться указанным принципом. В подтверждение нашему тезису можно сослаться на ряд решений КС РФ, указывающих, что регулирование юридической ответственности «должно согласовываться с конституционными принципами демократического правового государства» [10; 11]. Ни у кого не вызывает возражение положение о том, что взаимная юридическая ответственность — это принцип правового государства.

Условно можно утверждать и о существовании принципов построения системы юридической ответственности, которые в результате бессистемной деятельности законодателя нарушаются, вводя тем самым в заблуждение ученых, пытающихся выявить на основе отдельных разрозненных норм «новые» виды юридической

ответственности, тогда как речь в подобной ситуации следует вести о дефектности самого законодательства.

Причем принципы юридической ответственности представляют собой не хаотичный набор тех или иных отправных положений, а взаимосвязанную систему, и нарушение одного из них неизбежно приводит к нарушению другого. При определении доктринальных начал одновременно следует учитывать и их своеобразную «конкуренцию», когда исключение их из того или иного исходного положения означает не его нарушение. Так, наличие институтов освобождения от ответственности и наказания не нивелирует действие неотвратимости, а означает действие принципов гуманизма и индивидуализации юридической ответственности. Кроме того, сами принципы, являясь некими отправными (исходными) началами, находятся друг с другом в диалектическом единстве, борьбе и противоречиях, которые не следует смешивать с противоречиями, находящимися в сфере действующего законодательства.

В контексте нашего исследования немаловажными являются вопросы о том, кто формирует доктрину юридической ответственности, и можно ли различать сугубо научную доктрину юридической ответственности и официальную. На первый взгляд, ответ очевиден. Первый вид доктрины определяют носители юридического правосознания — ученые-юристы, и она не обязательна для законодателя, правоприменителя и обычных граждан и носит рекомендательный характер [12]. Ответ на второй вопрос находится в требованиях, предъявляемых к кандидатам в члены КС РФ, одним из которых является обладание признанной высокой квалификацией в области права (ст. 8) [13]. Все судьи КС РФ — это ученые-юристы. Можно условно отметить, что на них лежит не закрепленная в законе обязанность «отсеивать» все ненужное и недостаточно обоснованное, неработанное в юридических науках, определяя quintessenciu, которая затем и находит свое выражение в официальных правовых позициях органа конституционного контроля, являющихся обязательными для всех и для каждого. Поэтому правовые позиции КС РФ — это официальная доктрина юридической ответственности и во многом система доводов, приводимая в мотивировочной части различных решений, напоминает научный юридический текст. Однако противоречия могут возникать и при определении официальной доктрины. Так, не со всеми решениями органа судебного контроля можно

соглашаться. Кроме того, сами судьи КС РФ часто выражают особое мнение, отличающееся от решения суда.

Как известно, одной из функций органа конституционного контроля выступает официальное толкование Конституции. «В целом комплексе своих решений КС РФ определяет, что принципы юридической ответственности выводятся из содержания норм Конституции РФ (ст. 1 и 2; ст. 55 (ч. 3), ст. 15 (ч. 2), ст. 45 (ч. 1), ст. 71 (п. «а», «в»), ст. 72 (п. «б», «к» ч. 1) и ст. 76 (ч. 1 и 2)). При этом КС РФ подчеркивает, что смысл указанных норм применительно к формулированию принципов юридической ответственности должен выводиться исходя из их совокупного толкования. Принимая во внимание тот факт, что толкование Конституции РФ — исключительное полномочие КС РФ, а результат такого толкования обязателен для применения всеми государственными органами и государственными служащими, то можно сделать вывод о том, что КС РФ непосредственно определяет содержание и перечень принципов юридической ответственности» [14, с. 28].

Проблему противоречий принципов юридической ответственности с действующим законодательством следует рассматривать с самого нормативного закрепления доктринальных положений, и здесь, учитывая существующие реалии, нам придется подкорректировать высказанную нами позицию. Так, ранее нами отмечалось, что все принципы юридической ответственности в той или иной форме закреплены в существующих правовых нормах, а разграничивать принципы права и правовые принципы (последние относятся только к сфере теории и естественному праву) нет необходимости, так как они все нашли свое выражение в существующей системе норм [6, с. 45]. Они могут быть закреплены в отдельной статье нормативного правового акта или нескольких статьях, а также выводиться из совокупности правовых норм. В случае первой формы их закрепления все предельно ясно и понятно, особенно если и сама статья носит название того или иного принципа, но со второй и с третьей формой закрепления отправных начал все намного сложнее, так как для их выявления необходимо использовать различные способы толкования нормативных правовых актов. К примеру, легальные дефиниции принципа законности содержатся в Конституции РФ (ч. 2 ст. 21, ст. 54); УК РФ (ст. 3 и ст. 8), КоАП РФ (ст. 1.6); гуманизма — в статье 21, части 3 статьи 50 Конституции РФ и статье 7 УК РФ, а справедливости — только

в статье 6 УК РФ. Больше всего «не повезло» принципу справедливости, который в статье шестой Уголовного кодекса РФ фактически сводится к принципу индивидуализации наказания, а в Основном Законе о нем упоминается в преамбуле, а также применительно к пенсионной системе в части 5 статьи 75.

Если обратиться к содержанию принципа законности юридической ответственности, то в юридической доктрине его содержание намного богаче, по сравнению с тем, которое мы обнаруживаем в действующем законодательстве. Так, в него включают: закрепление юридической ответственности только на уровне закона, а не подзаконного нормативного правового акта; определенность оснований юридической ответственности; «ограничения прав человека в той мере, в которой это необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности...» (ч. 3 ст. 55 УК РФ). Последнее положение, будучи предусмотренным в Конституции России, неоднократно выступало предметом рассмотрения в КС РФ ввиду того, что в нем самом присутствует правовая неопределенность и используются оценочные понятия. Конституционный Суд в зависимости от обстоятельств дела принимал решения как в пользу заявителя, так и оставался на стороне государственных органов. Особенно часто предметом рассмотрения выступали нормы, предусмотренные в налоговом законодательстве, где неоднократно отмечалось положение НК РФ о том, что все неустранимые сомнения, противоречия и неясности актов законодательства о налогах и сборах толкуются в пользу налогоплательщика.

В различных решениях КС РФ обращает на себя внимание наличие отсылок к его же другим решениям. Часто орган конституционного контроля указывает, что по данному вопросу уже существуют правовые позиции. В качестве нового примера (таких десятки, мы не приводим их все, чтобы не загромождать текст и библиографический список) можно назвать постановление Конституционного Суда РФ от 4 февраля 2020 года № 7-П [15]. В мотивировочной части данного решения КС РФ сделал отсылку к трем своим постановлениям, указав на принципы соразмерности, недопустимости расширительного толкования. Еще в одном постановлении КС РФ отослал к девяти более ранним своим решениям с периодом принятия от 1999 до 2016 года [10], перечислив принципы юридической ответственности, выведенные им ранее: законности; согласованности с принципами правового государства; справедливости; вины

(исключения из которого должны быть прямо указаны в законе); соразмерности ограничений; индивидуализации и дифференциации ответственности [10]. Причем вновь отмечается, что данные основные начала юридической ответственности обращены как к законодателю, так и к правоприменителю. В постановлении КС РФ от 18 февраля 2019 года № 11-П [16] опять указывается на принцип вины и согласованность с принципами правового государства.

Судебный орган связан строгими правилами, предъявляемыми к его решениям, но между строк можно прочесть: «сколько же раз можно на это указывать, сколько надо еще вынести решений, чтобы отправные начала (принципы) закрепились в правосознании законодателя и правоприменителя». В другом постановлении КС РФ еще раз напомнил, что система правовых доводов, содержащая толкование Конституции и выходящая за рамки рассматриваемого дела, «распространяется на все аналогичные ситуации, в том числе и будущие нормы» [17]. Причем сама проблема не нова, еще в 2001 году судья КС РФ Н.В. Витрук в своей монографии отмечал, что решения судебного органа не исполняются законодателем годами, а также не учитываются правовые позиции при разрешении аналогичных категорий дел, несмотря на то что они являются обязательными [18, с. 120]. И если первая проблема в последние годы так или иначе стала решаться, то со второй все намного сложнее. Как говорится, «воз и ныне там».

Важно не только выявить проблему, но и предложить пути выхода из нее. Так, на данном этапе следует констатировать: решения КС РФ в части распространения доктринальных позиций, изложенных в мотивировочной части, игнорируются, а государственные органы ориентируются только на резолютивную, содержащую признание нормы конституционной или не конституционной. Возникает вопрос, чем это обусловлено? Думается, ответ находится в плоскости субъективных и объективных причин.

Первые (субъективные) предопределены уровнем правосознания законодателя и правоприменителя, воспринимающего только итоговый результат рассмотрения дела, а также в некоторой степени сложившимся общим менталитетом. Не вдаваясь в споры о юридической природе решений КС РФ и их месте в системе источников права, отметим, что они занимают промежуточное положение между нормативным правовым актом и судебным прецедентом. Менталитет законодателя и правоприменителя складывался десятилетиями, и в нем прочно

устоялось, что юридическая доктрина (пусть даже и официальная), содержащаяся в мотивировочной части, не является источником права. Как правило, законодатель и правоприменитель обращаются только к резолютивной части решения.

Вторые (объективные) кроются в большом массиве самих актов, принимаемых Конституционным Судом, и отчасти неопределенностью некоторых положений статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 27 июля 1994 года № 1-ФКЗ, где вполне недвусмысленно говорится об обязательности исполнения постановления о признании нормативного акта или отдельных его положений не соответствующими Конституции РФ, однако в формулировке: «равно как и применение либо реализация каким-либо иным способом нормативного акта или отдельных его положений в истолковании, расходящемся с данным Конституционным Судом Российской Федерации в этом постановлении истолкованием», на наш взгляд, содержится правовая неопределенность. Остается неясным, о недопущении применения или реализации какого нормативного правового акта идет речь: который выступал предметом рассмотрения или иных, содержащих схожие правовые нормы, на которые могут распространяться правовые позиции КС РФ. Несмотря на то, что из различных его решений вытекает, что толкование конституционных норм должно распространяться и на схожие правовые ситуации, оно продолжает игнорироваться, подтверждением чему выступают содержащиеся в новых постановлениях постоянные ссылки на принятые ранее.

Еще раз зададимся вопросом, какой выход видится из сложившейся ситуации? Возможно, в последнее время со страниц юридической печати и так звучит огромное количество предложений о принятии новых нормативных правовых актов, но мы полагаем, что назрела необходимость разработки рамочного закона «О юридической ответственности в Российской Федерации», регулирующего деятельность законодателя и правоприменителя, так как в нем будут сформулированы только принципы юридической ответственности на основе как официальной, так и неофициальной доктрины юридической ответственности. В таком законе отправные начала должны быть предельно ясно и понятно раскрыты, в том числе и с использованием правовых позиций Конституционного Суда РФ. Подобного рода нормативный

правовой акт должен быть принят одновременно с внесением изменений в основополагающие законы, предусматривающие различные виды юридической ответственности: Уголовный кодекс РФ; Кодекс об административных правонарушениях РФ; Гражданский кодекс РФ; Налоговый кодекс РФ и др. Следует отметить, что только УК РФ характеризуется четким, хотя и вызывающим споры в юридической литературе, закреплением принципов. В иных нормативных правовых актах они рассредоточены по разным главам и разделам, а иногда перечень их далеко не полный. К примеру, в НК РФ принципы налоговой ответственности изложены в статьях 3, 108, 109, 111 и др. В КоАП РФ закреплен далеко не полный перечень принципов юридической ответственности. В пользу нашего предложения говорит и тот факт, что большинство дел, рассматриваемых КС РФ, связано с вопросами юридической ответственности, аналогичное относится и к деятельности судов общей юрисдикции. Нам могут возразить, указав на особенности юридической техники, используемой в указанных нормативных правовых актах, но если становится очевидным, что такое «своеобразие» неэффективно и не способствует пониманию самих принципов юридической ответственности, растворяя их в системе других правовых норм и нивелируя сущность последних, то следует принимать соответствующие меры.

Таким образом, и сами принципы юридической ответственности должны соответствовать определенности, как одному из отправных начал. Следует отметить, что ни в одном нормативном правовом акте прямо не говорится об определенности, как об отдельном принципе юридической ответственности, в большей степени его вывели в доктрине КС РФ. Мы кардинально не отказываемся от высказанных ранее идей о принципах юридической ответственности, но нами же отмечалось, что сама их система не выступает неким застывшим образованием и с течением времени могут появляться новые принципы юридической ответственности, обособляясь от уже существующих. Однако еще раз отметим, что и сами законодательные дефиниции должны отвечать правовым принципам. И думается, что правы ученые, предлагающие различать «принципы права» и «правовые принципы». В 2003 году мы писали [6], что в этом нет необходимости, так как все принципы, относящиеся к категории «правовых», нашли отражение в действующем законодательстве. Как показывает практика КС РФ последнего де-

сятилетия, это далеко не так. Проблема кроется в самой определенности принципов в действующем законодательстве, в их неполном отражении в конкретных статьях. Содержание многих принципов юридической ответственности дополняет и раскрывает в своих решениях КС РФ, но его акты в строгом смысле этого слова не относятся к законодательству. Это официальная доктрина юридической ответственности, пусть не всегда и бесспорная.

Известно, что принципы и функции — это категории, отражающие сущность права и юридической ответственности. Аксиоматичным выглядит и утверждение о том, что функции не являются неизменной категорией, и в том или ином историческом периоде на первое место выходит одна функция, а другая «отмирает» либо становится подфункцией другой функции. Так и принципы права эволюционируют с течением времени, основываясь на цивилизованности общества, его менталитете, национальной идее, господствующим представлениям о сущности права. Они преломляются в сознании законодателя и правоприменителя, находят свое отражение в действующем законодательстве, а также в официальной правовой доктрине. Потому возможно предположить, что ввиду особого значения принципа определенности в свете современных реалий правовой действительности настал тот период, когда ему необходимо дать официальную «прописку» в нормативных правовых актах, предусматривающих юридическую ответственность, что будет способствовать укреплению законности и правопорядка.

Следует отметить, что в новом нормативном правовом акте, который не устанавливает ответственность, но влияет на нее, впервые дана дефиниция принципа определенности. Речь идет о Федеральном законе РФ от 31 июля 2020 года № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» [19], в его четвертой статье дается перечень принципов установления и оценки применения обязательных требований: законность; обоснованность обязательных требований; правовая определенность и системность; открытость и предсказуемость; исполнимость. В статье седьмой, посвященной правовой определенности и системности, раскрывается, что «содержание обязательных требований должно отвечать принципу правовой определенности, то есть быть ясным, логичным, понятным как правоприменителю, так и иным лицам, не должно приводить к противоречиям при их применении, а также должно быть согласованным с целями и принципами законода-

тельного регулирования той или иной сферы и правовой системы в целом». Что побудило законодателя принять этот нормативный правовой акт? Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к статье 1 (сфера применения настоящего Федерального закона), определяющей взаимосвязь требований, содержащихся в нормативных правовых актах, в том числе и в подзаконных, с привлечением к административной ответственности, предоставлению лицензий и иных разрешений, аккредитации и т. д. По своей сути — это закон о подзаконных актах, он направлен на упорядочивание ведомственного нормотворчества. Очевидно, что давно назрела необходимость упорядочить его, снизив тем самым нагрузку на суды, рассматривающие дела о признании подзаконных нормативных правовых актов недействительными. Закон ограничивает бюрократический аппарат, которому за последнее десятилетие стало свойственно «формулировать требования ради требований», и проведение всевозможных проверок. Одновременно его можно рассматривать как еще одну преграду, направленную на предупреждение коррупции.

В одной работе невозможно исследовать все противоречия, существующие между доктриной юридической ответственности и действующим законодательством, поэтому мы только обозначим некоторые из них, требующие дальнейшей разработки, а также сделаем ряд выводов.

Во-первых, в последнее десятилетие происходит «размывание границ» между уголовной и административной ответственностью, что нарушает принципы их дифференциации. Так, бесконечная увлеченность законодателя увеличением штрафных санкций в КоАП РФ привела к тому, что их пределы стали значительно выше минимального размера штрафа, предусмотренного УК РФ. Во многих решениях КС РФ отмечалась несоразмерность штрафных санкций характеру и степени общественной опасности правонарушения, пределам ограничения прав человека. Стиранию границ между уголовной и административной ответственностью способствовало и небесспорное возвращение в УК РФ составов с административной преюдицией. В этом аспекте деятельность КС РФ, постоянно указывающего на нарушения прав граждан, стала похожа «на починку тришкиного кафтана», в роли которого выступает законодательство. В связи с тем что в КоАП РФ как таковая утрачена системность санкций, необходима разработка и принятие нового кодекса об административных правонарушениях. Можно согласиться и с предложениями о реформировании УК РФ в виде принятия но-

вого кодекса. Однако, по нашему мнению, принятие и разработка этих нормативных правовых актов должна быть одновременной.

Во-вторых, в целях реализации требований принципа законности юридической ответственности, а также на основании статьи 15 («регуляторная гильотина») Федерального закона «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» необходимо признать утратившими силу, не действующими на территории Российской Федерации и отменить нормативные правовые акты Правительства Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти, правовых актов исполнительных и распорядительных органов государственной власти РСФСР и Союза ССР, содержащих обязательные требования, соблюдение которых оценивается при осуществлении государственного контроля (надзора). Однако такая деятельность органов государственной власти должна осуществляться не только по предмету регулирования указанного закона. Так, ранее нами уже указывалось на незаконность некоторых санкций дисциплинарной ответственности, установленных различными подзаконными нормативными правовыми актами [20, с. 22—28], однако и в настоящее время названные нами ранее нормативные правовые акты не отменены. Причем сфера их действия не согласуется с законом «Об обязательных требованиях в Российской Федерации». Поэтому можно отметить, что в плане регуляторной гильотины законодатель принял половинчатое решение. Причем закрепление санкций на уровне подзаконных нормативных правовых актов — это прямое нарушение одного из требований принципа законности.

В-третьих, актуальным и значимым представляется исследование различных норм юридической ответственности на соответствие принципу справедливости и закрепления в них ценностей, свойственных российскому обществу, а также отражения в последних интересов многонационального народа как источника власти. В связи с чем необходимо определить саму парадигму, которой руководствовался законодатель, соотнося те или иные запреты, обязанности и правомочия с общепринятыми представлениями о справедливости. Кроме того, необходим также тщательный анализ правовых конструкций, заимствованных из зарубежного законодательства, так как не всегда они несут положительный эффект ввиду различных представлений о социальной справедливости.

В-четвертых, условно можно выделять две разновидности доктрины юридической ответ-

ственности: во-первых, официальную, закрепленную в решениях КС РФ и обладающую свойством нормативности; во-вторых, неофициальную, разрабатываемую учеными. При этом противоречия существуют как между официальной и неофициальной доктриной, так и с действующим законодательством, предусматривающим юридическую ответственность. Причина противоречий официальной доктрины юридической ответственности с действующим законодательством во многом кроется в правосознании законодателя и правоприменителя, а также неопределенности юридической силы правовых позиций КС РФ, изложенных в мотивировочной части решения. Выход из сложившейся ситуации видится в разработке и принятии Федерального закона РФ «О юридической ответственности», содержащем легальные определения принципов юридической ответственности.

В-пятых, во многом деятельность КС РФ способствовала конкретизации требований принципа законности и формированию относительно самостоятельного принципа права — правовой определенности, который ввиду объективных и субъективных причин обособился от принципа законности, заняв в существующей системе принципов относительно самостоятельное место.

Примечания

1. Липинский Д.А., Мусаткина А.А. Система права и система юридической ответственности: некоторые проблемы взаимосвязей и соотношения // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 4. С. 29—47.
2. Иванов А.А. Принцип законности юридической ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2011. 28 с.
3. Мироненко М.Б. Принципы юридической ответственности. Тольятти: Изд-во ВУиТ, 2001. 202 с.
4. Шавалеев М.В. Эффективность принципа неотвратимости юридической ответственности. Тольятти: ТГУ, 2010. 174 с.
5. Иванов А.А. Принцип индивидуализации юридической ответственности в российском праве X—XX вв.: историко-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020. 54 с.
6. Липинский Д.А. Принципы и правоотношения юридической ответственности. М.: Nota Bene, 2003. 231 с.
7. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. М.: РАП, 2008. 304 с.
8. Ефремов А.Ф. Принципы законности и проблемы их реализации. Тольятти: Изд-во ВУиТ, 2001. 298 с.
9. Липинский Д.А., Мусаткина А.А., Чуклова Е.В. Альтернативные санкции в российском праве. М.: РИОР, 2018. 182 с.

10. По делу о проверке конституционности части 1 статьи 16 и части 1 статьи 16 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» в связи с жалобой гражданина Г.П. Кристова: постановление Конституционного Суда РФ от 9 января 2019 года № 1-П // Собрание законодательства РФ. 2019. № 3, ст. 278.

11. По делу о проверке конституционности статьи 324 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н.М. Деменьшиной: постановление Конституционного Суда РФ от 27 февраля 2020 года № 10-П // Собрание законодательства РФ. 2020. № 10, ст. 1415.

12. Кузьмин И.А., Липинский Д.А., Малько А.В. Юридическая ответственность. Доктринальный словарь / под ред. А.В. Малько и Д.А. Липинского. М.: Проспект, 2020. 208 с.

13. О Конституционном Суде Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 года № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 13, ст. 1447.

14. Липинский Д.А., Станкин А.Н. Роль решений Конституционного Суда РФ в формировании системы юридической ответственности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 4. С. 27—35.

15. По делу о проверке конституционности пункта 1 примечаний к статье 18.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, части второй статьи 67 Трудового кодекса РФ и абзаца первого пункта 8 статьи 13 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданки А.А. Викторовой: постановление Конституционного Суда РФ от 4 февраля 2020 года № 7-П // Собрание законодательства РФ. 2020. № 6, ст. 744.

16. По делу о проверке конституционности подпункта 6 пункта 1 и пункта 4 статьи 25 Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» в связи с жалобой гражданина О.В. Довлатли: постановление Конституционного Суда РФ от 18 февраля 2019 года № 11-П // Собрание законодательства РФ. 2019. № 8, ст. 821.

17. По делу о проверке конституционности статьи 2.6.1 и частей 1, 2, 3 и 6 статьи 12.21.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Костромского областного суда и жалобами граждан А.И. Думилина и А.Б. Шарова: постановление Конституционного Суда РФ от 18 января 2019 года № 5-П // Собрание законодательства РФ. 2019. № 4, ст. 360.

18. Витрук Н.В. Конституционное правосудие в России (1991—2001 гг.). Очерки теории и практики. М.: Городец-Издат, 2001. 508 с.

19. Об обязательных требованиях в Российской Федерации: федеральный закон от 31 июля 2020 года № 247-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ч. 1, ст. 5007.

20. Липинский Д.А., Мусаткина А.А. О незаконной альтернативности некоторых дисциплинарных санкций // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 4. С. 22—28.

References

1. Lipinsky D.A., Musatkina A.A. The system of law and the system of legal responsibility: some problems of interconnections and correlation. *Legal policy and legal life*, 2019, no. 4, pp. 29—47. (In Russ.)

2. Ivanov A.A. The principle of the legality of legal responsibility. Author's abstract... candidate of legal sciences. Kazan, 2011. 28 p. (In Russ.)

3. Mironenko M.B. Principles of legal responsibility. Togliatti: VUiT Publishing House, 2001. 202 p. (In Russ.)

4. Shavaleev M.V. Effectiveness of the principle of inevitability of legal responsibility. Togliatti: TSU, 2010. 174 p. (In Russ.)

5. Ivanov A.A. The principle of individualization of legal responsibility in Russian law of the X—XX centuries: historical and legal research. Author's abstract... doctor of legal sciences. Moscow, 2020. 54 p. (In Russ.)

6. Lipinsky D.A. Principles and legal relationship of legal responsibility. Moscow: Nota Bene Publ., 2003. 231 p. (In Russ.)

7. Vitruk N.V. General theory of legal responsibility. Moscow: RAP Publ., 2008. 304 p. (In Russ.)

8. Efremov A.F. Principles of legality and problems of their implementation. Togliatti: VUiT Publishing House, 2001. 298 p. (In Russ.)

9. Lipinsky D.A., Musatkina A.A., Chuklova E.V. Alternative sanctions in Russian law. Moscow: RIOR Publ., 2018. 182 p. (In Russ.)

10. In the case of checking the constitutionality of Part 1 of Article 16 and Part 1 of Article 16 of the Federal Law "On Control over the Compliance of Expenditures of Persons Holding Public Positions and Other Persons with Their Incomes" in connection with the complaint of citizen G.P. Kristova: resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 09.01.2019 no. 1-P. *Collection of legislative acts of the RF*, 2019, no. 3, art. 278. (In Russ.)

11. In the case of checking the constitutionality of Article 324 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with a civil complaint by N.M. Demenshina: decree of the Constitutional Court of the Russian Federation dated February 27, 2020 no. 10-P. *Collection of legislative acts of the RF*, 2020, no. 10, art. 1415. (In Russ.)

12. Kuzmin I.A., Lipinsky D.A., Malko A.V. Legal liability. *Doctrinal Dictionary* / ed. A.V. Malko and D.A. Lipinsky. Moscow: Prospect Publ., 2020. 208 p. (In Russ.)

13. On the Constitutional Court of the Russian Federation: federal constitutional law of 21.07.1994 no. 1-FKZ. *Collection of legislative acts of the RF*, 1994, no. 13, art. 1447. (In Russ.)

14. Lipinsky D.A., Stankin A.N. The role of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the formation of a system of legal responsibility. *Legal science and practice: Journal of Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia*, 2019, no. 4, pp. 27—35. (In Russ.)

15. In the case of checking the constitutionality of paragraph 1 of the notes to Art. 18.5 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, part two of article 67 of the Labor Code of the Russian Federation and paragraph one of clause 8 of article 13 of the Federal Law "On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation" in connection with the complaint of citizen A.A. Viktorova: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 04.02.2020 no. 7-P. *Collection of legislative acts of the RF*, 2020, no. 6, art. 744. (In Russ.)

16. In the case of checking the constitutionality of subparagraph 6 of paragraph 1 and paragraph 4 of Article 25 of the federal law "On state regulation of the production and circulation of ethyl alcohol, alcoholic and alcohol-containing products and on restricting the consumption (drinking) of alcoholic products" in connection with the complaint of citizen O.V. Dovlatli: resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 18.02.2019 no. 11-P. *Collection of legislative acts of the RF*, 2019, no. 8, art. 821. (In Russ.)

17. In the case of checking the constitutionality of Article 2.6.1 and parts 1, 2, 3 and 6 of Article 12.21.1 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses in connection with the request of the Kostroma Regional Court and complaints of citizens A.I. Dumilina and A.B. Sharova: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 18, 2019 no. 5-P. *Collection of legislative acts of the RF*, 2019, no. 4, art. 360. (In Russ.)

18. Vitruk N.V. Constitutional justice in Russia (1991—2001). Essays on theory and practice. Moscow: Gorodets-Publishing House, 2001. 508 p. (In Russ.)

19. On mandatory requirements in the Russian Federation: Federal Law of the Russian Federation dated July 31, 2020 no. 247-FZ. *Collection of legislative acts of the RF*, 2020, no. 31, part 1, art. 5007. (In Russ.)

20. Lipinsky D.A., Musatkina A.A. On the illegal alternative of some disciplinary sanctions. *Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2018, no. 4, pp. 22—28. (In Russ.)